

Научная статья

УДК 821.161.1Лермонтов.08

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-359-48-59

**М. Ю. ЛЕРМОНТОВ И МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПЦИЯ ВЕСТНИЧЕСТВА Д. Л. АНДРЕЕВА****Яковлев Михаил Владимирович**

Государственный гуманитарно-технологический университет,

Орехово-Зуево, Россия;

Государственный университет просвещения,

Москва, Россия,

79104310619@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5211-6994>

Аннотация. Статья посвящена исследованию отдельных стихотворений М. Ю. Лермонтова в системе мифопоэтической концепции вестничества, сформированной в трактате Д. Л. Андреева «Роза Мира» (1958). В таком контексте классические тексты Лермонтова рассматриваются как образцы визионерской лирики. На основе герменевтического метода устанавливается эстетическая роль и идейно-художественная актуальность мифопоэтических элементов образного мира Лермонтова. Обнаруживается гностическая природа понимания лирического Я, мистическая перспектива любовной поэзии, русского пейзажа, социальных мотивов. С помощью мифопоэтической интерпретации лермонтовских стихотворений «Ночь. I» (1830), «Предсказание» (1830), «Ангел» (1831), «Мой демон» (1831), «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837), «Как часто пестрою толпою окружен...» (1840), «Из-под таинственной холодной полумаски...» (1841), «Выхожу один я на дорогу...» (1841), «Пророк» (1841), «Родина» (1841) и др. раскрываются отдельные смысловые пласты образности, связывающей поэзию Лермонтова с русским мифопоэтическим художественным пространством, приобретающим роль пророческого гипертекста.

Делается вывод о том, что в ряде стихотворений М. Ю. Лермонтова присутствуют образы и идеи, повлиявшие на формирование теории и практики русского символизма и постсимволизма в качестве образцов мифопоэтического мышления. Результаты исследования расширяют и дополняют представления о мифопоэтических параллелях и традициях в целостном художественном пространстве русской лирики, историко-литературном контексте и возможностях интерпретации классических стихотворений М. Ю. Лермонтова в системе дискуссионности и герменевтического феномена приращения смыслов.

Ключевые слова: вестничество, мифопоэтика, гипертекст, душа, ангел, демон, женственность, пророк, родина, символ.

Для цитирования: Яковлев, М. В. (2025). М. Ю. Лермонтов и мифопоэтическая концепция вестничества Д. Л. Андреева. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(59), 48–59. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2025-359-48-59>

Original article

UDC 821.161.1Лермонтов.08

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-359-48-59

**M. Y. LERMONTOV AND THE MYTHOPOETIC
CONCEPT OF D. L. ANDREEV'S HERALD****Mikhail V. Yakovlev**

State University of Humanities and Technology,

Orekhovo-Zuyevo, Russia;

State University of Enlightenment,

Moscow, Russia,

79104310619@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5211-6994>

Abstract. The article is devoted to the study of individual poems by M. Y. Lermontov in the system of the mythopoeic concept of heraldry, formed in D. L. Andreev's treatise «The Rose of the World» (1958). In this context, Lermontov's classical texts are considered as examples of visionary lyrics. Based on the hermeneutic method, the aesthetic role and ideological and artistic relevance of the mythopoeic elements of Lermontov's figurative world are established. The gnostic nature of understanding the lyrical «I», the mystical perspective of love poetry, the Russian landscape, and social motives are revealed. With the help of the mythopoeic interpretation of Lermontov's poems «Night. I» (1830), «Prediction» (1830), «Angel» (1831), «My Demon» (1831), «When the yellowing field is agitated...» (1837), «How often is surrounded by a motley crowd...» (1840), «From under a mysterious cold half mask...» (1841), «I Go out alone on the Road...» (1841), «The Prophet» (1841), «Homeland» (1841), and others reveal separate semantic layers of imagery linking Lermontov's poetry with the Russian mythopoeic artistic space, which acquires the role of prophetic hypertext. The conclusion is drawn that in a number of M. Y. Lermontov's poems there are images and ideas that influenced the formation of the theory and practice of Russian symbolism and post-symbolism as examples of mythopoeic thinking. The results of the research expand and complement the ideas about mythopoeic parallels and traditions in the integral artistic space of Russian lyrics, the historical and literary context and the possibilities of interpreting classical poems by Mikhail Lermontov in the system of discussion and the hermeneutic phenomenon of increment of meanings.

Keywords: heralding, mythopoetics, hypertext, soul, angel, demon, femininity, prophet, homeland, symbol.

For citation: Yakovlev, M. V. M. Y. Lermontov and the mythopoeic concept of D. L. Andreev's herald. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(59), 48–59. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2025-359-48-59>

Введение

В 2024 году отмечался 210-летний юбилей со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Этому событию были посвящены различные научные мероприятия, среди которых Всероссийский с международным участием методологический семинар «М. Ю. Лермонтов. Проблемы

творчества и эстетической жизни наследия» в Государственном университете просвещения (14–15 октября 2024), Международная конференция «Творчество М. Ю. Лермонтова в лингвистическом, литературоведческом и историко-культурном аспектах» в Государственном гуманитарно-технологическом университете (10 декабря 2024) и другие события. К юбилею поэта был подготовлен специальный выпуск журнала «Отечественная филология», где также была опубликована наша статья «Лермонтов и мифопоэтика русского символизма» (Яковлев, 2024а).

Круглая дата — это всегда повод по-новому взглянуть на художественное наследие уникального мастера словесности. Однако очевидно, что среди отдельных важных проблем, исследованных литературоведами, всегда остаются не до конца раскрытые аспекты творчества. Среди них мистическая, визионерская поэзия Лермонтова.

Цель настоящей статьи — определение особенностей лирики М. Ю. Лермонтова, повлиявших на формирование мифопоэтических произведений XX века, среди которых важное место занимает наследие Д. Л. Андреева — автора книги «Русские боги» (1955), поэмы «Железная мистерия» (1950–1956), трактата «Роза Мира» (1950–1958). В последнем произведении Андреев создает и развивает оригинальную версию истории русской литературы, рассматривая ее в рамках разработанной им концепции художественного вестничества — специфической формы духовно-художественной словесности, обладающей визионерским, пророческим содержанием образности. Это свидетельствует об актуальности заявленной темы. Проблема влияния стихотворений М. Ю. Лермонтова на развитие неомифологического гипертекста русской художественной литературы все еще далека до окончательного разрешения, чем обусловлена новизна настоящего исследования. В ряду русских писателей-неомифологов Д. Андреев называет и Лермонтова. Представляется интересным установить, в чем именно заключается это духовное послание, почему выдающийся русский художник-мистик XX века называет Лермонтова поэтом-вестником.

Методы исследования

Выяснение жанровых и духовно-эстетических аспектов стихотворений Лермонтова, их влияния на формирование русской мифопоэтической лирики XX века, существующей как гипертекст, предполагает комплексный герменевтический метод исследования произведений в системе уяснения символов и смыслов духовно-художественного послания поэта. Данная статья векторно обозначает ключевые факторы этой объемной и многозначной историко-литературной проблемы.

Результаты исследования

Мифопоэтическая образность стихотворений М. Ю. Лермонтова оказала существенное влияние на формирование теории и практики русского символизма, что было показано в нашей статье «Лермонтов и мифопоэтика русского символизма». Ярким представителем и продолжателем этой традиции в первой половине XX века был Д. Л. Андреев (1906–1959). Поэт считал свой художественный мир развитием пророческой, визионерской ветви русской литературы в аспекте сформированной им в теории и реализованной на практике мифопоэтической концепции вестничества. Ее идейно-художественное осмысление представляет научно значимый вектор в истории русской литературы XX века.

Концепция вестничества в мифопоэтике Д. Л. Андреева

Восходящая к символизму концепция вестничества оформляется и развивается в трактате «Роза Мира», в книге X «К метаистории русской культуры», в главах «Дар вестничества», «Миссии и судьбы», «Падение вестника». В них Андреев формулирует духовно-эстетическую природу вестничества и его осуществление в историко-литературном процессе. Дар вестничества Д. Андреев обнаруживает в творчестве М. Ю. Лермонтова, которого он называет «художественным гением и русским вестником» (Андреев, 2009, с. 522).

В «Розе Мира» Андреев дает развернутое определение визионерской творческой способности. Он переводит греческое слово «ангел» (ἄγγελος, «ангелос» – «посланник, вестник») на русский язык, придавая ему специфический эстетический смысл. Различая дар и служение *пророка* и *вестника*, Андреев говорит: «Вестник — это тот, кто, будучи вдохновляем даймоном, дает людям почувствовать сквозь образы искусства <...> высшую правду и свет, льющиеся из миров иных» (Андреев, 2009, с. 492). Слово «даймон» не следует путать с «демоном» (Андреев, 2009, с. 193). Это не падший ангел-искуситель и богоборец, а духовное существо из ангельского мира, «высшее человечество Шаданакра», которое проходит «путь становления, схожий с нашим» (Андреев, 2009, с. 791). По Андрееву, устойчивый мифопоэтический образ музы — это «даймоны женственной природы» (Андреев, 2009, с. 193). Для мистического, или, по Андрееву, «трансфизического» (Андреев, 2009, с. 94), понимания художественного творчества личное вдохновение автора — это воздействие духа-вдохновителя, при котором поэт ощущает и осознает себя в качестве творческого посредника между миром иным и миром земным, природным и социальным.

Высшим духовно-эстетическим жанром такого искусства становится «откровение», или по-гречески Ἀποκάλυψις — «апокалипсис». В его основе — «трансфизические» озарения, преодолевающие пространственно-временные

границы земного мира, художественное визионерство. В частности, в библейском тексте «Откровения святого Иоанна Богослова» авторство формулируется следующим образом: «Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре. И Он показал, послав оное через Ангела Своего рабу Своему Иоанну» (Откр. 1:1) (Библия, 1990, далее текст Библии цитируется по тому же изданию с указанием канонической книги и стиха. — М. Я.). Получается сложная иерархия «авторства»: Бог, Иисус Христос, Ангел, Иоанн Богослов, который, вероятно, текст не писал, а диктовал ученику или ученикам.

Характеризуя творческую биографию Лермонтова, Андреев отмечает обычную для многих художественных гениев двойственность: вовлеченность в жизнь светского общества, земной круг самоопределения, с одной стороны, и осознание своего мистического призвания — с другой. Вспомним признание Пушкина в стихотворении «Поэт» (1827): «Пока не требует поэта / К священной жертве Аполлон...» (Пушкин, 1974, т. 2, с. 110). Или конфликт поэта и общества в стихотворении «Поэт и толпа» (1828): «Подите прочь — какое дело / Поэту мирному до вас!...» (Пушкин, 1974, т. 2, с. 167).

Андреев в «Розе Мира» связывает творческую судьбу Лермонтова с «мучительными поисками, к чему приложить разрывающую его силу» (Андреев, 2009, с. 522–523). Ни университет, ни богемная жизнь не могли удовлетворить его исканий. Размышляя о будущем Лермонтова (проживи он еще 40 или 50 лет), Андреев отверг и «семейный круг», и «военную эпопею», и «революционное движение шестидесятых и семидесятых годов», и даже «поэтическое уединение в Тарханах» (Андреев, 2009, с. 523). Называя поэта «духовным атлетом», автор «Розы Мира» представляет возможным аскетический подвиг в монастыре (вспомним, однако, в этой связи катастрофический сюжет поэмы «Мцыри» (1840), связанный с неоднозначным символическим топосом православного монастыря). И, действительно, как далее отмечает Андреев, иночество было несовместимо с художественным творчеством того типа, которое закрепилось в современной Лермонтову литературе (Андреев, 2009, с. 523).

Прижизненный конфликт с обществом и богоборческую тенденцию творчества поэта Андреев объясняет не столько социальными причинами, сколько внутренним конфликтом между глубинной мистической памятью и интеллектуальной одаренностью, поскольку «Лермонтов был не только великий мистик; это был <...> один из величайших у нас в XIX веке — ум» (Андреев, 2009, с. 521). Андреев объясняет «кутежи и бретерство», «юношеский разврат» (Андреев, 2009, с. 521) Лермонтова своеобразным экзистенциальным экспериментом над собой, напоминающим искусительный путь Фауста и в итоге приобретшим форму «холодного и горького скепсиса, <...> развешивающе-пессимистических раздумий чтеца человеческих душ» (Андреев, 2009, с. 521).

Сравнивая биографический опыт Лермонтова и Байрона, Андреев противопоставляет близкие для обоих романтиков темы бунта против современного

общества и Бога, выразившиеся в индивидуальной версии люциферизма и демонизма, Андреев указывает не на литературную традицию, а на «опыт души», вызванный у Лермонтова собственной «глубинной памятью» встречи с «грозной и могущественной иерархией» темного мира (Андреев, 2009, с. 520). Аналогичным образом оценивается и образ ангела из стихотворения «Ангел». По Андрееву, это не «литературный прием, как это было у Байрона, а факт» (Андреев, 2009, с. 522). По мнению мистика XX века, персонаж стихотворения Лермонтова — это лирический документ, свидетельство о духе-покровителе и вдохновителе художника-вестника. Как уже отмечалось, ангельскую иерархию этих духов автор «Розы Мира» называет сократовским термином «даймон», или «даймонион», устанавливая своеобразную преемственность с древнегреческой традицией.

Формулируя *духовно-художественную миссию Лермонтова*, Андреев видит ее в «победе утверждающего начала и достижении наивысшей мудрости и просветленности творческого духа» (Андреев, 2009, с. 522). Эта «просветленность» выражается в образном визионерстве. Так, в классических стихах поэта («Ветка Палестины», «Русалка», «Спор» и др.) Андреев предлагает увидеть свидетельство «о второй реальности, просвечивающей сквозь зримую всеми» (Андреев, 2009, с. 522).

Согласно мистическому откровению Д. Андреева, таких миров на «многослойной» планете Земля 242. Каждый из них имеет свое топонимическое название и локацию восходящего и нисходящего направлений. Космос «Розы Мира» напоминает систему миров в «Божественной Комедии» (1321) Данте Алигьери, но имеет более сложную и причудливую структуру, развивающую целостную неомифологию и художественное пространство книги «Русские боги» (1955). В стихотворении «Шаданакар» 1955 года (так в «Розе Мира» именуется система миров, состоящая из огромного числа инопространственных и иновременных слоев) поэт пишет:

И не найдем ни в одном словаре мы,
Что это значит:

Шаданакар.

Это — вся движущаяся
колесница

Шара земного: и горы, и дно, —

Все, что творилось,

все, что творится,

И все,

что будет

сотворено.

(Андреев, 1993, т. 1, с. 101)

Конечно, в поэтическом космосе Лермонтова нет такой сложной образной структуры, однако свидетельство о существовании иного мира выражено

однозначно, с реалистической достоверностью. Романтизм поэта воспринимается и трактуется Андреевым как мифологический или трансфизический реализм.

Подводя итог своим размышлениям о возможном творческом развитии Лермонтова как художника-вестника, Д. Андреев высказывает мысль о том, что, если бы не «пятигорская катастрофа», жизненный путь «привел бы Лермонтова-старца к вершинам, где этика, религия и искусство сливаются в одно» и человечество «взирает на этих владык горных вершин культуры с благоговением, любовью и трепетом радости» (Андреев, 2009, с. 523). Стихотворные молитвы Лермонтова автор «Розы Мира» считает образцами духовной поэзии в форме гимнографии.

Споря с литературоведами-материалистами, он восклицает: «Нужно быть начисто лишенным религиозного слуха, чтобы не почувствовать <...> глубину его переживаний, породивших лирический акафист “Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...”» (Андреев, 2009, с. 522). Среди возможных для Лермонтова-вестника неомифологических жанров Андреев называет задуманную, но не воплощенную поэтом трилогию, а также «роман идей», «эпопею-мистирию типа “Фауста”» (Андреев, 2009, с. 524), а возможно и совершенно оригинальный жанр — провозвестник «небывалого творения, <...> предвосхищающего те времена, когда поднимется из этого лона цветок всемирного братства — Роза Мира» (Андреев, 2009, с. 524).

Оставим это метаисторическое ожидание без комментариев и обратимся к отдельным стихотворениям М. Ю. Лермонтова в системе герменевтических кодов, выстраивающихся в своеобразную духовно-художественную автобиографию.

Визионерская поэзия Лермонтова. Система мифологических мотивов в формате примечаний

«Поэт» («Когда Рафаэль вдохновенный...») (1828). В стихотворении обыгрывается легенда о Рафаэле в рассказе Вакенродера и Жуковского о видении-сновидении Рафаэля, которому явилась Святая Дева (см.: Поташова, 2014; Яковлев, 2024б, № 3, т. 2, с. 100). Художественное творчество здесь понимается как визионерство. Его источник — мистическое видение, откровение иного мира.

«Ночь. I» (1830). В произведении развивается сюжет посмертного странствия души, понимаемой как наказание, что порождает метафизический бунт против Бога. В произведении юного поэта обозначается его конфликт с Судьбой, будущее несчастье в любви и дружбе, одиночество, иноприродность жизни его личности, осознание своей «странности».

«Предсказание» (1830). В стихотворении воплощается видение краха русской монархии. Ее сменяет власть диктатора, имеющего демоническую природу.

«Ангел» (1831). Визионерское стихотворение о предсуществовании телесно рождающейся души, определяющем ее одиночество в земном мире, но в то же время и творческий выход к иному миру.

«Мой демон» (1831). Произведение о мистическом двойнике лирического героя, являющем недостижимую красоту иного мира, но также и отбирающего ее, что становится источником страдания. Вместо красоты и гармонии лирическому сознанию предлагается демоническое самоутверждение, выражающееся в самоубийственном и опьяняющем стремлении к опасности.

«Когда волнуется желтеющая нива...» (1837). Визионерское стихотворение, построенное, по «вестнической» терминологии Д. Андреева, на «сквожении» (Андреев, 2009, с. 99) пейзажа, на переживании «прозрачности физического слоя» одухотворенной природы (Андреев, 2009, с. 100). Ср. у Тютчева: «Что сквозит и тайно светит / В наготе твоей смиренной» (Тютчев, 1980, т. 1, с. 142), или пейзажный цикл самого Андреева «Сквозь природу» (1935–1955). Через софийную красоту природы лирическому герою Лермонтова открывается невидимый Бог, несмотря на то что «Бога человеком невозможно видеть, на Него же не смеют чини Ангельские взирати...», — «Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу». Песнь 9. Ирмос (Православный Молитвослов и Псалтирь, 1995, с. 48). Красота природы являет не Самого Бога, а Его Славу или Софию Божию.

«Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...» (1837, 1840)). Стихотворение представляет собой поэтическую молитву Богородице, которая мыслится как заступница невинных душ. Сравним рефрен из «Акафиста Пресвятой Богородице в честь чудотворной иконы Ее Казанской»: «Радуйся, Заступнице усердная рода христианского» (Акафистник, 1992, ч. 1, с. 77). Можно предположить, что поэт знал текст этого акафиста.

«Молитва» («В минуту жизни трудную...») (1839). В стихотворении передается молитвенный транс, переживание благодатной радости, близкой к поэтике жанра акафиста. Можно предположить, что «благодатная сила в созвучье слов» (Лермонтов, 1961, т. 1, с. 457) заключена либо в архангельском приветствии и молитве к Богородице, именуемом «Песнь Пресвятой Богородице»: «Богородице Дева...», — где есть такое обращение: «Радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою...» (Православный Молитвослов и Псалтирь, 1995, с. 17). Тот же мотив действия Благодати Божьей выражается в «Молитве Святому Духу», именуемому «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины...». Молящийся призывает Силу Божию: «...прииди и вселися в ны...» (Православный Молитвослов и Псалтирь, 1995, с. 4).

«Как часто пестрою толпою окружен...» (1840). В стихотворении возникает конфликт мертвенного мира людей, надевающих обманывающие маски приличия, и мечта-видение Возлюбленной, видение Любви. Развивая мифологию Любви как Персонифицированной Премудрости, Божественной Художницы (Притч. 2: 22–30), Вл. Соловьев напрямую (со ссылкой на чужое авторство)

цитирует строчки Лермонтова в знаменитой визионерской поэме «Три свидания» (1898). Обозначая явление Вечной Женственности, он лишь заменяет слово *глаза* на сакрально возвышенное *очи*:

И в пурпуре небесного блистанья
Очами, полными лазурного огня,
Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.

(Соловьев, 1994, с. 409)

Впоследствии поэты, теоретики символизма и мыслители софиологического направления увидели в Лермонтове одного из визионеров Софии, мистической Вечной Женственности (Яковлев, 2024а, № 5, с. 128).

«Из-под таинственной холодной полумаски...» (1841). В стихотворении возникает символ мистической Незнакомки, а также «мечта» об Идеальной Возлюбленной, персонификация Любви. Двойственностью женского образа определяется его магическая притягательность (Киселева, Поташова, 2024).

«Нет, не тебя так пылко я люблю...» (1841). В стихотворении возникает конфликт двух образов женщин: реальной и идеальной, вдохновленной видением персонифицированной Любви.

«Выхожу один я на дорогу...» (1841). В произведении раскрывается конфликт между лирическим героем и Божьим миром. Формулируется чувство метафизического одиночества и богооставленности. Возникает потребность пережить мистический транс в виде сновидения-видения о Вечности и Древе Жизни.

«Пророк» (1841). Лирический герой выходит на путь служения Богу, подобно Иисусу Христу, проповедуя «любви и правды чистые ученья» (Лермонтов, 1961, т. 1, 547). Это вызывает агрессивное непонимание окружающих пророка людей.

«Есть речи — значенье...» (1841). В публикации 1846 года стихотворение называлось «Волшебные звуки». Произведение передает мистическое восприятие слова как материи, состоящей «из пламя и света» (Лермонтов, 1961, т. 1, с. 474). Эта метафора в действительности раскрывает теургические силы, заключенные в слове. Символика «пламени» отсылает к атрибутике ангелов, именуемых серафимами, т. е. буквально «огненными», «пламенными». Ср.: «Творяй Ангелы Своя духи, и слуги Своя пламень огненный» (Пс. 103:4) (Православный Молитвослов и Псалтирь, 1995, с. 379). «Пламенное» слово в таком контексте — это невидимое, но осязаемое явление ангела. Символика «света» — свойство Божественного Слова, Логоса: «Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин.1:9). Или: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1-е Ин. 1:5). Тогда по грамматической логике ключевая фраза стихотворения «из пламя и света рожденное слово» может пониматься примерно так: «Из *пламени светом* рожденное слово»! Отсюда та огромная власть, которую над душой имеет энергия и сила слова — молитвы

и слова поэтического. Вспомним название программной работы К. Н. Бальмонта «Поэзия как волшебство» 1915 года.

«Родина» (1841). Лирический герой переживает иррациональное слияние с Родиной. «Странная» любовь к отчизне объясняется духовным «сквожением» сельского пейзажа, иррациональным софийным трансом, а также глубинным воспоминанием о Небесной Родине, откуда Ангел принес его душу матери-земле. Показательна амбивалентность определения России как *отчизны* (как в автографе текста) с мифологемой *отца* и как *родины* (в названии произведения) с мифологемой Матери. В русском символизме XX века соединение образов земной и небесной родины реализуется как мифология России-Софии, судьбы Родины в аспекте становления Премудрости как Царствия Божия на земле, Богочеловечества, Вселенской Церкви, Града Господня, «женственного» схождения на землю Небесного Иерусалима: «И я Иоанн увидел святы́й город Иерусалим, сходящий с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр. 21:2).

«Сон» (май – начало июля 1841). Визионерское произведение, возможно, навеянное казачьей песней «Ох, не отстать-то тоске-кручинушке...». Стихотворное сновидение-видение собственной смерти также отсылает читателя к лирике Ф. Вийона «Разговор души и тела» («Спор между Вийоном и его душой»), «Балладе повешенных» и др. или к собственным стихотворениям «Ночь. I» (1830) и «Ангел» (1831), где душа существует отдельно от тела. Круг рождения, жизни и смерти сомкнулся.

Эти и другие мифологические архетипы и символы обнаруживаются в ряде классических стихотворений М. Ю. Лермонтова, что позволяет интерпретировать их в рамках мифопоэтической концепции вестничества, разработанной Д. Л. Андреевым в трактате «Роза Мира». Лирика Лермонтова приобретает свойства визионерской поэзии, являя или приоткрывая образы мира иного, который переживается как параллельная земному миру духовная реальность.

Заключение

Мифопоэтические стихотворения М. Ю. Лермонтова выходят за традиционные рамки поэтики романтизма, которые Д. Л. Андреев связывает с наследием Дж. Г. Байрона. Концепция вестничества придает отдельным стихотворениям Лермонтова черты мифологического реализма. Лирическое вдохновение или интеллектуальная рефлексия автора понимаются как формы гностического откровения иного мира, являющегося душе лирического героя в образах глубинной памяти или мистического созерцания и трансфизического озарения. Соединяясь в единый гипертекст, визионерские стихотворения читаются как свидетельство об иной реальности, как духовное послание, передающее знание о душе и судьбе человека, о присутствии иноприродных духов и Бога в земном пространстве. Сияние красоты осознается как Духовный Свет, затемняемый

или искажаемый во времени темными духами или физической материей. Однако искусство слова преобразует земной мир явлением Софии, Творца в творении, Вечности в потоке времени.

Список источников

1. Яковлев, М. В. (2024а). Лермонтов и мифопоэтика русского символизма. *Отечественная филология*, (5), 122–131.
2. Андреев, Д. Л. (2009). *Роза Мира*. Эксмо.
3. Библия. (1990). Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. С параллельными местами. Издание Московской Патриархии.
4. Пушкин, А. С. (1974). *Собрание сочинений*: в 10 т. Художественная литература.
5. Андреев, Д. Л. (1993). *Собрание сочинений*: в 3 т. Т. 1. Русские боги: Поэтический ансамбль. Московский рабочий; Фирма Алеся.
6. Поташова, К. А. (2014). Феномен Рафаэля в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова: к проблеме родного и вселенского. *Современные проблемы науки и образования*, (4). <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14154>
7. Яковлев, М. В. (2024б). Генезис и трансформация образа Мадонны в поэзии А. С. Пушкина. *Отечественная филология*, 2(3), 96–105.
8. Тютчев, Ф. И. (1980). *Сочинения*: в 2 т. Правда.
9. *Православный Молитвослов и Псалтирь*. (1995). Издание Свято-Данилова монастыря.
10. *Акафистник*: в 2 ч. Ч. 1. (1992). Издание Московской Патриархии.
11. Лермонтов, М. Ю. (1961). *Собрание сочинений*: в 4 т. Издательство Академии наук СССР.
12. Соловьев, В. (1994). *Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров»: Краткая повесть об Антихристе*. Художественная литература.
13. Киселева, И. А., & Поташова, К. А. (2024). Стихотворение М. Ю. Лермонтова «К портрету» (1840): поэтика текста и образа. *Проблемы исторической поэтики*, 22(2), 25–49. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2024.13463>

References

1. Yakovlev, M. V. (2024a). Lermontov and the Mythopoetics of Russian Symbolism. *Russian Studies in Philology*, (5), 122–131. (In Russ.).
2. Andreev, D. L. (2009). *The Rose of the World*. Eksmo. (In Russ.).
3. *The Bible*. (1990). Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Canonical ones. With parallel locations. Edition of the Moscow Patriarchate. (In Russ.).
4. Pushkin, A. S. (1974). *Collected works*: in 10 vols. Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
5. Andreev, D. L. (1993). *Collected works*: in 3 vols. Vol. 1. Russian Gods: A Poetic ensemble. Moskovskij rabochij; Firma Alesya. (In Russ.).
6. Potashova, K. A. (2014). The phenomenon of Raphael in the works of A. S. Pushkin and M. Y. Lermontov: towards the problem of the native and universal. *Modern problems of science and education*, (4). <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14154> (In Russ.).

7. Yakovlev, M. V. (2024b). The Genesis and Transformation of Madonna's Image in the Poetry of A. S. Pushkin. *Russian Studies in Philology*, 2(3), 96–105. (In Russ.).
8. Tyutchev, F. I. (1980). *Essays in two volumes*. Pravda. (In Russ.).
9. *The Orthodox Prayer Book and Psalter*. (1995). Edition of the St. Daniel Monastery. (In Russ.).
10. *Akathistnik*: in 2 parts. Part 1. (1992). Publishing House of the Moscow Patriarchate. (In Russ.).
11. Lermontov, M. Y. (1961). *Collected works*: in 4 vols. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
12. Solovyov, V. (1994). *Readings on God-manhood; Articles; Poems and a poem; From «Three Conversations»: A short story about the Antichrist*. Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
13. Kiseleva, I. A., & Potashova, K. A. (2024). M. Y. Lermontov's poem «To the portrait» (1840): poetics of text and image. *Problems of historical poetics*, 22(2), 25–49. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2024.13463> (In Russ.).

Информация об авторе

Михаил Владимирович Яковлев — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного гуманитарно-технологического университета; профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения.

Information about the author

Mikhail V. Yakovlev — PhD (Philology), Docent, Professor of Department of Russian Language and Literature, State University of Humanities and Technology; Professor of the Department of Russian and Foreign Literature at the State University of Enlightenment.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.